

АВТОНОМИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 1922 г.

Публикация посвящена истории образования автономной Белорусской митрополии 1922 г., неоднозначно воспринятой священноначалием Русской Православной Церкви и имеющей различные оценки в церковно-исторической литературе. На основе имеющихся исследований и новых архивных материалов предпринимается попытка осветить мотивы провозглашения автономии, а также реконструировать некоторые события, связанные с ее провозглашением.

23 июля 1922 г. в кафедральном соборе города Минска состоялось провозглашение автономной Белорусской митрополии, с возведением Минского епископа Мелхиседека (Паевского) в сан митрополита. Однако событие это епископат Русской Православной Церкви воспринял неоднозначно: оно вызвало нарекания, недоумения, кривотолки. По сегодняшний день вопрос этот не получил еще должного освещения главным образом из-за практически полного отсутствия документальных источников. По этой причине на событие 1922 г. сложился несколько ошибочный взгляд, а в некоторых исследованиях Белорусская автономия даже называется самочинной «автокефалией»¹, что является грубой ошибкой и бросает тень на деятелей, к ней причастных.

Однако попробуем разобраться.

Тяжелое положение, в котором оказалась Русская Православная Церковь в послереволюционные годы – начавшихся гонений и церковной смуты, – вынуждало церковных деятелей искать пути и формы выживания церковных организаций и нормального (если это понятие вообще применимо к условиям того времени) их функционирования. Это было поистине время, требовавшее от церковных деятелей простоты голубиной и мудрости змеиной (Мф. 10, 16).

Как известно, исключительно сложная ситуация создалась в Церкви весной 1922 г., когда был арестован Святейший Патриарх Тихон, а церковную власть захватили обновленцы. Непросто было сориентироваться в сложившейся обстановке. Никто не мог с определенностью знать, как будут развиваться события, что будет с Патриархом, кто останется у кормила высшей церковной власти.

---

¹ См.: *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви 1917–1997 / История Русской Церкви. Кн. IX. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 95; История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М.: ПСТГУ, 2006. С. 294.

По-своему на возникшую ситуацию отреагировало духовенство Минской епархии, решив провозгласить в границах Минской епархии церковную автономию.

Формально основанием для этого послужило постановление Патриарха Тихона и Священного Синода в Москве от 7/20 ноября 1920 г. за № 362 о предоставлении епархиальным архиереям больших полномочий и прав в деле устройства церковной жизни в их епархиях, включая создание митрополичьего округа. В постановлении, в частности, говорилось: «В случае, если епархия окажется вне всякого общения с Высшим Церковным управлением или само Высшее Церковное Управление во главе с Патриархом почему-либо прекратит свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношение с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях (в виде временного высшего церковного правительства или митрополичьего округа или иначе)»². В случае невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления наиболее целесообразной мерой представлялось разделение епархий, для чего епархиальному архиерею рекомендовалось: а) предоставить своим викариям все права епархиальных архиереев, б) учреждать по соборному суждению с прочими архиереями епархий новые архиерейские кафедры с правами полусамостоятельных или самостоятельных³.

Именно так все сложилось в начале лета 1922 г. Оказавшись отстраненным от управления Церковью, Патриарх Тихон передал власть Ярославскому митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Однако советские власти, стремясь дестабилизировать ситуацию в Церкви, не допустили его выезда в Москву, лишив тем самым возможности взять церковное управление в свои руки. Видя безвыходность своего положения, владыка Агафангел издал 18 июня 1922 г. окружное послание к епископам (за № 14), в котором писал: «Лишенные на время высшего руководства, вы управляйтесь теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, священными канонами...»⁴ Белорусские церковные исследователи, в частности протоиерей Федор Кривонос, связывают образование Белорусской автономной митрополии 1922 г. исключительно с захватом церковной власти обновленцами. Однако, как выяснилось, это не совсем верно. Безусловно, приход к власти обновленцев повлиял на решение об образовании в Минске независимого церковного управления, но были и другие немаловажные факторы.

Следует заметить, что идея создания автономной митрополии не была инициативой Минского архиерея, а возникла, насколько можно судить, в среде близкого ему духовенства. Решение выработывалось и было принято на епархиальных собраниях. К сожалению, подлинные акты и документы, относящиеся к этому делу, в настоящее время не обнаружены. Накануне провозглашения авто-

² Церковные ведомости. 1924. № 23/24. С. 10.

³ См.: Там же.

⁴ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 220.

номии все документальные материалы были изъяты из епархиальной канцелярии сотрудниками ГПУ, и по сегодняшний день судьба их неизвестна.

В определенной степени свет на обстоятельства провозглашения автономной Белорусской митрополии проливают документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) в фонде канцелярии Патриарха и Священного Синода (ф. 831, д. 211). В частности, среди них имеется доклад Преосвященного Мелхиседека (Паевского) Патриарху Тихону, в котором разъясняется суть произошедших перемен в жизни Минской епархии.

Вопрос об автономии Белорусской Церкви, по свидетельству владыки Мелхиседека, был вопросом не новым. Он не раз уже обсуждался в общественных и церковных кругах Белоруссии. Не поднимался же в полной мере лишь потому, что условия жизни в последние годы, часто менявшиеся и затруднявшие сношение с высшей церковной властью, не позволяли провести его в должной последовательности и порядке. С 1918 г. Минск и часть Белоруссии находились под оккупацией немцев, затем — поляков. Лишь в марте 1921 г. Советская Россия подписала с Польшей мирный договор, по которому западная часть Белоруссии с городами Вильно, Пинск, Брест, Гродно, Новогрудок и другими отошла к Польскому государству, а обширная восточная часть осталась под властью большевиков. Минская епархия в результате этого разделения потеряла часть территории, а еще ранее лишилась многих храмов. Во время польской оккупации немало церквей (в прошлом костелов) было передано Римо-Католической Церкви. Естественно, что в условиях военного времени и бурно меняющихся событий невозможно было обсуждать вопрос о церковно-административных преобразованиях. А между тем такое преобразование ставила на повестку дня сама жизнь.

«Ни для кого не новость, — писал Патриарху владыка Мелхиседек, — что особенные условия местной церковной жизни, культуры, быта, языка, в связи с постоянной опасностью католической и униатской пропаганды, требуют особой сплоченности и объединения всех церковных сил для планомерного и целесообразного направления православной церковной жизни в нашем крае... <...> Следует отметить лишь, что собственно церковные круги Белоруссии, во главе с Епископами местными, соблюдали в отношении своих к этому делу должную осторожность и твердо стояли при обсуждении его исключительно на почве церковной. Вот почему и я не решился давать движение этому делу до тех пор, пока сама жизнь не поставила его на очередь и дала возможность обсуждения со стороны местных деятелей и носителей этой идеи»⁵.

И вот настал 1922 г., когда Русская Православная Церковь вступила в полосу тяжелой смуты и разделения, преодолевая серьезные проблемы на всем своем пространстве. В Белоруссии же эти проблемы ощущались острее и болезненнее, чем где бы то ни было. Причиной этому являлись особые условия местной жизни, «мало знакомые и мало понятные людям не местным», но такие, с которыми приходилось считаться церковным руководителям, «ответственным пред Богом и историей за судьбы Западно-Русской Церкви». Владыка Мелхиседек в своем

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 24–24 об.

докладе указывал, что характерной чертой отношения римо-католицизма к православию на Западных окраинах России на протяжении всей истории являлось умелое использование обстоятельств жизни Православной Церкви. Так было и на сей раз. За минувшие десятилетия ни одно явление в православной церковной жизни не вызвало столько надежд у римских пропагандистов, сколько события того времени. После ареста Патриарха Тихона пропаганда унии и прямо католицизма была поведена с особым тщанием. Всюду распространялись воззвания о том, что Православная Церковь погибла, Бог отступил от нее, история произнесла над ней приговор и «явно для всех подтвердила всегдашние суждения Рима о русской Католической Церкви». При этом обещались самые широкие льготы и сохранение всех особенностей церковной жизни и пр. Католическая пропаганда приняла в это время самые широкие масштабы, и простой народ колебался. Опасность положения стала очевидна. Медлить дальше было нельзя, «надо было подорвать враждебную агитацию в самом корне, ясно и осознательно для всех». Дела Православной Церкви за рубежом тоже давали немалый материал для усиления пропаганды.

На различных собраниях местных церковных деятелей обсуждались способы противодействия общественной смуте и, в частности, местной противоправославной пропаганде. После неоднократного и тщательного обсуждения положения дел был «твердо поставлен на первую очередь старый местный вопрос об автономии Белорусской Церкви, как наиболее могущий послужить условиям и потребностям данного момента церковно-исторической жизни»⁶.

Осуществлению проекта способствовало и особое гражданское положение Белоруссии как независимой республики, входящей в состав федерации⁷. В эти годы границы Минской епархии совпадали с границами молодой республики. Однако обсуждать вопрос об учреждении Белорусской митрополии с архиереями Полоцкой и Могилевской епархий владыка Мелхиседек, естественно, не мог, так как они в это время находились за пределами Советской Белоруссии.

Среди местных церковных деятелей, не безразличных к судьбе Православной Церкви, идею автономии поддержали представители различных политических взглядов. Из национально-культурных соображений ее поддержали сотрудники Института белорусской культуры: С. М. Некрашевич, Н. М. Гутковский, преподаватель Белорусского государственного университета В. А. Савич. Со стороны дореволюционной интеллигенции за автономию выступили: бывший предводитель дворянства Минского уезда А. Я. фон Мореншильд, бывший вице-губернатор Е. И. Вишневский, бывший секретарь дворянского собрания Минской губернии К. Ф. Татур. Идею автономии поддержали многие видные представители минского духовенства. Наиболее горячим ее сторонником выступил протоиерей Стефан Кульчицкий — участник Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви 1917–1918 гг., авторитетный член духовной консистории. В ГПУ были убеждены, что именно он являлся главным инициатором

⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 24 об.

⁷ В Минске имелись свой Центральный исполнительный комитет, свой Совнарком и т.п., а в Москве имелось особое представительство при РСФСР и т.д.

автономии Белорусской Церкви⁸. Не исключено, что отец Стефан как участник Собора 1917–1918 гг. видел в учреждении автономной митрополии реализацию соборного постановления «О церковных округах»⁹. Вместе с тем он продолжал сохранять, согласно соборному определению, свои полномочия члена Собора: имел право участвовать по месту своего постоянного жительства в епархиальных, окружных, уездных и благочиннических собраниях, с решающим правом голоса¹⁰.

19 июля 1922 г. в одном из храмов Минска состоялось нелегальное собрание уполномоченных от различных приходов города под председательством А. Я. фон Мореншильда. С докладом о важности объявления автономии местной Церкви на нем выступил отец Стефан Кульчицкий¹¹. В основу проекта были положены два принципа: 1) стремление сохранить путем автономии законную иерархию и 2) оказать противодействие антиправославной пропаганде, принявшей угрожающие размеры. После длительного обсуждения дела во всех подробностях решено было во имя блага церковного пойти на провозглашение автономной Белорусской Церкви в границах Советской Белорусской Республики. При обсуждении способа ее осуществления и порядка закрепления решили, что это вопрос будущего и будет зависеть от Высшей церковной власти. Для текущего же момента первостепенное значение имел сам факт ее объявления, причем, по мнению всех, он не должен был носить чисто бумажный, декларативный характер, а получить вид конкретного действия, видимого в глазах народа и осязательного. «Вот почему, несмотря на предварительное сопротивление мое, — писал владыка Мелхиседек, — вопрос об автономии разрешился в форме объявления Епископа Минского Митрополитом Белорусским. Я нисколько не закрывал своих глаз на то, что акт этот впоследствии может получить “обывательское”, так сказать, освещение, вызвать различные обвинения меня и, тем не менее, я после длительного обсуждения и многого размышления решил согласиться с постановлением Комиссии по сему делу»¹².

Вместе с тем владыка подчеркивал, что вопрос об автономии Белорусской Церкви «никогда не представлял собой какой-либо маскированной попытки церковного сепаратизма, стремления к разделению, “самостийности”, или т. п.». Он ставился исключительно на почву церковной целесообразности и никаких стремлений к разрыву с Церковью или грубому попранию канонических норм не имел.

Итак, приняв решение об образовании Белорусской митрополии, собрание назначило дату ее провозглашения — 23 июля.

Прознав о намечавшемся событии, ГПУ, видимо, решило воспрепятствовать этому. 22 июля арестовали некоторых участников недавнего собрания, придерживающихся монархических взглядов. Тогда же был арестован секретарь

⁸ *Кривонос Ф., свящ.* У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 годы). Минск: МФЦП, 2007. С. 44.

⁹ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Ч. IV. М., 1994. С. 14.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ *Кривонос Ф., свящ.* У Бога мертвых нет. С. 44.

¹² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 25.

епископа Мелхиседека И. Ф. Спасский, а у протоиерея Стефана Кульчицкого учинен обыск. Тогда ОГПУ, как уже говорилось, изыло все документы, связанные с предстоящим церковным мероприятием.

Впрочем, это не помешало учреждению Белорусской митрополии.

Торжественное ее провозглашение состоялось, как и планировалось, 10/23 июля 1922 г. в Минском кафедральном Свято-Петро-Павловском соборе, это событие подробно описал владыка Мелхиседек в своем докладе.

Собравшиеся «единодушно и единогласно просили» владыку Мелхиседека принять отныне именованное «“Митрополита Белорусского и Минского”», как видимое выражение возмещаемого ныне самоуправления Белорусской Церкви в делах внутреннего характера, а также просить озаботиться скорейшим восстановлением епископских кафедр в Белоруссии в г. Слуцке, древнем Турове, Бобруйске и Борисове»¹³.

Депутация от духовенства и мирян поднесла епископу Мелхиседеку белый клубок. Принимая его, владыка сказал, что «принимает на себя терновый венец, вполне отдавая себе отчет в своем поступке, но надеется, что в будущем беспристрастная история поймет необходимость этого...»¹⁴.

Вслед за провозглашением автономной митрополии было образовано Церковное Управление Белоруссии (ЦУБ) во главе с митрополитом Мелхиседеком. Официально Управление, ссылаясь на митрополита Сергия (Страгородского) и других иерархов, признало обновленческое Высшее церковное управление (ВЦУ) в Москве законным органом «до созыва Поместного Всероссийского Собора». В обращении к пастве Церковное Управление выражало полную лояльность к Советской власти, отмежевывалось от всякой политической деятельности и борьбы, а в церковной жизни ориентировалось на идею внутреннего церковного обновления, проявляющуюся «в общецерковном обновленческом движении»¹⁵.

Можно предположить, что со стороны Преосвященного Мелхиседека и его сторонников это был всего лишь дипломатический ход, так как местные обновленцы не поверили ему. Несмотря на заверение о «признании каноничности ВЦУ и законности его распоряжений», прозвучавшее в послании, они незамедлительно опубликовали в прессе протест, в котором, в частности, говорилось: «Всеим своим поведением и выступлениями среди верующих минское городское духовенство являло собой яркий пример редкой изворотливости, лукавства и обходов народившегося в Москве обновленческого церковного движения... Духовенство во главе с епископом Мелхиседеком вошло в связь с черносотенными и консервативными группами населения и, не испросив согласия и воли верующих и духовенства Минской епархии, объявило себя автономным и независимым от Москвы, что произошло в Минском кафедральном соборе 23 июля... Акт 23 июля считаем неканоническим и вредным делу обновления»¹⁶.

¹³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 25–25 об.

¹⁴ Цит. по: *Кривонос Ф., свящ.* У Бога мертвых нет. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 45–46.

¹⁶ Там же. С. 46.

Под покровительством ГПУ местные «идейные» обновленцы начали противодействовать владыке Мелхиседеку и образованному им Церковному Управлению. В первую очередь, они добивались, чтобы обновленческое ВЦУ в Москве не признало Мелхиседека митрополитом, аннулировало провозглашенную автономию и ввело их в состав ЦУБа. В Москве действительно отнеслись к учреждению Белорусской митрополии с недоброжелательностью. С этого времени началось противостояние между обновленцами и сторонниками митрополита Мелхиседека, в котором последние повели свою «очень непростую игру»¹⁷.

В конце марта 1923 г., во исполнение решения о восстановлении в пределах Белорусской митрополии древних епископских кафедр, владыка Мелхиседек хиротонисал в викарные епископы трех преданных ему священнослужителей. Совместно с епископами Венедиктом (Алентовым) и Феофаном (Березкиным) он рукоположил во епископа Слуцкого вдового протоиерея Николая Шеметилло, во епископа Мозырского – вдового протоиерея Иоанна Пашина и во епископа Бобруйского – безбрачного священника Феодосия Раменского, принявшего позднее монашеский постриг с именем Филарет.

Благодаря деятельности Преосвященного Мелхиседека, позиции обновленцев в Минской епархии оказались чрезвычайно слабы. Если в Витебской и Гомельской епархиях обновленчество набрало силу, то Минская епархия твердо оставалась на староцерковных позициях. Для успеха обновленческого движения ГПУ считало необходимым убрать из Белоруссии две фигуры – митрополита Мелхиседека и протоиерея Стефана Кульчицкого. И действительно, 10 апреля владыка Мелхиседек был выслан в Москву¹⁸.

В конце июня 1923 г. вернулся из заключения и приступил к управлению церковными делами Патриарх Тихон. Узнав об этом, Преосвященный Мелхиседек направил ему подробный доклад об учреждении Белорусской митрополии. Однако доклад этот по каким-то «независящим обстоятельствам не мог быть рассмотрен в Патриаршем Управлении», и судьба его осталась неизвестна¹⁹. Насколько можно судить, лично повидаться в ближайшие месяцы им не удалось.

Между тем Патриарх Тихон письменно засвидетельствовал православие владыки Мелхиседека (Паевского): «1923 г. августа 18-го В[ысокопреосвящен]ного Мелхиседека признаю православным и находящемся в каноническом общении с Нами; почему беспрепятственное совершение им богослужений в православных храмах Москвы разрешаем и благословляем»²⁰. Показательно, что Патриарх называет его Высокопреосвященным, признавая митрополичье достоинство.

Где точно находился владыка Мелхиседек летом и осенью 1923 г., сказать трудно. Был ли он на свободе, в заключении или под домашним арестом и где именно, неизвестно. По крайней мере, выехать в Минск он не имел возможности и к управлению Белорусской митрополией вернулся лишь 24 ноября. По прибытии на кафедру владыка Мелхиседек отмежевался от обновленчества и во

¹⁷ Подробно см.: Там же. С. 47–59.

¹⁸ См.: Там же. С. 49–55.

¹⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 24.

²⁰ Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти 1917–1943. М., 1994. С. 295.

всеуслышание заявил о своем признании главой Русской Православной Церкви Патриарха Тихона. В ГПУ сетовали, что «...первые шаги Мелхиседека носят явно тихоновскую окраску... им предприняты репрессии в отношении обновленческого духовенства, вплоть до увольнения с должностей... Почти все городское духовенство открыто тихоновское. В Минске нет ни одной обновленческой церкви. Обновленческое же духовенство на уезде под влиянием тихоновски настроенных попов и начавшихся репрессий со стороны Мелхиседека начинает замирать»²¹.

Вместе с тем стало известно, что в ближайшем будущем произойдет расширение границ Белорусской Республики за счет включения в ее состав территорий бывших Витебской, Могилевской и частей Гомельской и Смоленской губерний. В связи с этим, естественно, должна была увеличиться церковная территория Республики, а следовательно, новое значение и «особую важность» приобретал вопрос о Белорусской Церкви. В середине декабря Преосвященный Мелхиседек экстренно направил в Москву к Патриарху своего представителя, с которым передал повторный доклад об учреждении автономной Белорусской митрополии. Из доклада видно, что владыка Мелхиседек до этого времени так и не объяснился со Святейшим по поводу объявленной в Минске автономии. Он как будто впервые вводил Патриарха в курс дела.

Вместе с тем, зная, видимо, по слухам о разных мнениях среди епископата относительно провозглашенной автономии, владыка Мелхиседек вынужден был начинать доклад в несколько оправдательном тоне. «Конечно, — писал он, — представляя настоящий доклад Вашему Святейшеству, я нисколько не закрываю глаз на некоторое неприятное положение лично свое в этом деле, но близорукие люди, не желающие вникнуть в сущность дела и более склонные предположить присутствие в данном деле моей личной заинтересованности, честолюбия или даже некоторого авантюризма, склонны оценивать вопрос о Белорусской Митрополии, как такой, в котором собственно и церковного ничего нет. Не закрываю глаза на это, но уповаю, что при тщательном и чуждом предубеждения рассмотрении этого дела вопрос о каких-либо личных тенденциях моих совершенно отпадет, и дело будет решаться исключительно с точки зрения пользы и нужд западно-русской церкви. Такая уверенность дает мне основание говорить о деле совершенно беспристрастно и объективно»²².

Изложив в общих чертах причины и историю провозглашения автономной Белорусской митрополии, владыка Мелхиседек подчеркивал, что совершенно все это было «не ради каких-либо посторонних стремлений, а единственно по глубокому убеждению всех в необходимости этого акта в тот момент для блага церкви». Необычайность же происшедшего и некоторую неполноту канонической обстановки он объяснял условиями времени. «У всех нас было глубокое убеждение в том, — писал он, — что законная церковная власть, при обсуждении и закреплении совершенного, своим благословением, отнесется к нашей скудости с отеческим снисхождением, и пониманием внесет в это дело те возможные ис-

²¹ *Кривонос Ф., свящ.* У Бога мертвых нет. С. 64.

²² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 23 об.

правления, уточнения и поправки, которые требуются полнотой цели, не осуждая и не разрушая того, что уже прочно вошло в сознание верующей массы»²³.

В конце доклада Преосвященный Мелхиседек, в связи с укрупнением Советской Белоруссии, ставил вопрос об организации на ее территории церковной жизни «на основе митрополичьего округа» с центром в Минске. «По соображениям всех местных условий и по сношении с новоприсоединенными к Белоруссии частями, — заключал он, — будет мною представлен Вашему Святейшеству подробный проект устройства церковных дел Белоруссии. В заключение сего краткого доклада, спешность которого вызвана серьезными причинами, не позволившими мне осветить все дело с желательной подробностью и исчерпывающей обстоятельностью, считаю своим долгом просить за эту невольную вину снисхождения Вашего Святейшества, а вместе и особо подчеркнуть крайнюю необходимость скорейшего рассмотрения сего дела по целому ряду соображений исключительной важности»²⁴.

Приняв белорусского посланника, Патриарх Тихон попросил его кратко сформулировать вопросы, «за неотложным разрешением которых он прибыл в Москву». Вопросы эти выглядели так: первый — окончательное признание Белорусской Церкви автономной церковной областью во главе с митрополитом Мелхиседеком, второй — определение границы этой области в пределах Белорусской Республики²⁵.

Дело это обсуждалось Патриархом и Священным Синодом 23 или 24 декабря. Тогда было постановлено, что вопрос об организации Белорусского митрополичьего округа с правами автономии и включением в него частей Гомельской, Витебской и уезда Смоленской епархий, «суждением и решением отложить до получения отзывов по этому поводу от Преосвященных Могилевского, Полоцкого и Смоленского, коим в копии и препроводить доклад Преосвященного Мелхиседека, с просьбой ускорить ответ»²⁶. Протокол, кроме Патриарха, подписали архиепископы Тихон (Оболенский), Серафим (Александров), Петр (Полянский) и Никодим (Кротков).

Как видно, принципиальных возражений против Белорусской митрополии Патриарх и Священный Синод не имели. Иначе вопрос бы даже не рассматривался и вызвал бы совершенно иную резолюцию. Решили лишь выяснить, как к образованию митрополичьего округа отнесутся Преосвященные тех епархий, территории которых должны были в скором времени войти в состав Белорусской Республики. Впрочем, запрос был направлен лишь Могилевскому архиепископу Константину (Булычеву), который временно управлял и Гомельской епархией. Однако считается, что в это время он уже уклонился в обновленчество²⁷. Полоцкий архиерей Иннокентий (Ястребов) в это время находился в ссылке далеко за пределами Белоруссии и кафедрой не управлял²⁸. Занимавший Смоленскую кафедру епископ Филипп (Ставицкий) также находился в ссылке.

²³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 25 об.

²⁴ Там же. Л. 26.

²⁵ Там же. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 21.

²⁷ См.: История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 298, 300.

²⁸ См.: *Кривонос Ф., свящ.* Очерк из истории Витебска 20—30-х гг. XX ст. // Витебские епархиальные ведомости. 2001. № 1. С. 24.

Возможно, кто-то из епископов и прислал свой ответ, но такового пока не обнаружено.

Известно, что рукоположенный в декабре 1924 г. на Могилевскую кафедру и временно управлявший Гомельской епархией епископ Никон (Дегтяренко) враждебно отнесся к провозглашенной в 1922 г. автономии Белорусской Церкви. Впрочем, следует заметить, что епископ Никон, хотя и был человеком ревностным, слабо еще разбирался в церковных делах, а тем более в церковных делах Белоруссии, где никогда ранее не бывал. Подобные настроения разделял и хиротонисанный в 1925 г. на Гомельскую кафедру епископ Тихон (Шарапов). В своем послании к пастве, например, он называл Мелхиседека раскольником (обновленцем) и призывал «до выяснения вопроса о каноничности Белорусской епархии на Соборе воздержаться от отношений с нею...»²⁹

В ГПУ возникший конфликт характеризовали не только как разногласия канонического свойства, но и пытались усмотреть в нем меркантильные мотивы. «Неприязнь Никона и Тихона, — отмечали органы, — частично можно объяснить и их личной заинтересованностью, а именно тем, что Мелхиседек за последнее время участил прием под свое церковное попечительство приходов из Гомельской и Могилевской епархий, чем ударяет по карману обоих противников... Слухи о сомнительности православия Мелхиседека распространяются по Белоруссии и разлагающе действуют на поповство...»³⁰

Агитация могилевского и гомельского архиереев против Преосвященного Мелхиседека лишь ослабляла позиции православного духовенства и была только на руку обновленцам и ГПУ. Неслучайно чекисты со злорадством отмечали, что «единственная польза от “попечения” Тихона о Гомеле — это поднятая им компания против Мелхиседека и его викариев»³¹.

В конфликт пришлось вмешаться Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Петру (Полянскому), рекомендовавшему епископам Никону и Тихону принять меры к скорейшему прекращению конфликта³². Вместе с тем митрополит Петр в начале октября 1925 г. написал письмо владыке Мелхиседеку, в котором выражал свое отношение к автономии и его митрополичьему званию: «Вопрос об автономии Белорусской Церкви и Вашем митрополичьем сане при Святейшем Патриархе не получил канонического разрешения. Вы же сами не позаботились в течение двух лет при жизни покойного Патриарха так или иначе ликвидировать этот вопрос или принять меры к тому, чтобы дать ему определенное каноническое разрешение»³³. Поэтому как объявление автономии Белорусской Церкви, так и принятие Вами сана митрополита является с канонической точки зрения актом самочиния, не одобряемым церковными правилами. Полагаю, что вопрос об автономии подлежит решению Поместного Собора Рус-

²⁹ Цит. по: *Кривонос Ф., свящ.* Очерк из истории Витебска 20–30-х гг. XX ст. С. 73.

³⁰ Там же. С. 73–74.

³¹ Там же.

³² См.: Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 61.

³³ Как мы видели, владыка Мелхиседек пытался разрешить вопрос относительно автономной Белорусской митрополии и своего митрополичьего статуса, но по независящим от него причинам вопрос так и остался нерешенным. — *Г. Ш.*

ской Церкви, а признание за Вами митрополичьего сана особому епископскому рассмотрению... Ввиду этого считаю за лучшее, если бы Вы сами изыскали меры к ликвидации допущенного церковного самочиния и вернулись к нормам канонического устройства Белорусской церковной жизни. Тогда бы для нас открылась каноническая возможность, сообразно с местными условиями церковной жизни, предоставить Вам некоторые прерогативы чести»³⁴. Впрочем, письмо это по неизвестным причинам владыке Мелхиседеку отправлено не было.

Окончательно решить вопрос об автономной Белорусской Церкви и своим митрополичьим статусе владыка Мелхиседек так и не успел. В начале декабря 1925 г. он был арестован во время служебной поездки в Москву. Освободившись в начале следующего года, он вернулся в Минск и пытался вступить в свои прежние права, однако весной того же года вынужден был навсегда покинуть Белоруссию.

В январе 1926 г. владыка Мелхиседек уклонился в григорианский раскол, но вскоре принес покаяние митрополиту Сергию (Страгородскому) и подал заявление о том, что слагает с себя звание митрополита Белорусского, считая себя только епископом. Митрополит Сергей принял его в свое общение и возвел на Пасху 1928 г. в сан архиепископа, а в сентябре назначил на кафедру Енисейскую и Красноярскую³⁵. В 1931 г. владыку Мелхиседека вызвали в Москву и назначили членом Временного Священного Синода.

Скончался он 17 мая 1931 г. в алтаре Свято-Покровской церкви Красного Села Москвы, когда готовился литургисать вместе с сонмом архиереев в сослужении Заместителю Патриаршего Местоблюстителю Сергию (Страгородскому).

Трудно сказать, почему при Патриархе Тихоне вопрос об автономной Белорусской митрополии не получил окончательно разрешения. Нельзя в связи с этим не упомянуть свидетельство, приводимое митрополитом Мануилом (Лемешевским). Он сообщает, что 11/24 сентября 1923 г. в Донском монастыре состоялось расширенное заседание Священного Патриаршего Синода в присутствии 23 архиереев, обсуждавшее вопрос о необходимости перехода на новый церковный стиль. На заседании, по свидетельству владыки Мануила, присутствовавшего на Синоде, среди прочих архиереев находился и митрополит Мелхиседек (Паевский). Владыка Мануил утверждает, что Патриарх Тихон «убеждал митрополита Мелхиседека отказаться от самовольно принятого митрополитства и в протоколах заседания Синода подписаться только епископом по старшинству хиротонии», но тот «на убеждения Патриарха не склонился и под протоколами Синода подписался “Митрополит Минский и Белорусский”»³⁶.

По-видимому, нельзя не доверять свидетельству митрополита Мануила, однако возникают некоторые недоумения. Из доклада владыки Мелхиседека Патриарху Тихону, написанного 15 декабря 1923 г., видно, что он не имел объяснений со Святейшим о Белорусской митрополии. Тогда возникает вопрос: если владыка Мелхиседек виделся с Патриархом и даже присутствовал на Синоде, то

³⁴ Документы Патриаршей канцелярии 1925–1926 годов // Вестник Церковной истории. 2006. № 1. С. 61.

³⁵ См.: Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно). Ч. IV. Куйбышев, 1966. С. 326.

³⁶ Там же. С. 325.

почему не обсуждались церковные дела в Белоруссии? Почему на протяжении ряда лет вопрос автономии так и оставался в «подвешенном» состоянии?

Возможно, ответ на него кроется в нежелании части епископата идти на организацию церковных (митрополичьих) округов. Вопрос ведь этот в Русской Церкви не новый. Необходимость образования округов была признана еще Соборами 1666 и 1681–1682 гг. Затем определение об их организации принял Собор 1917–1918 гг. А между тем до сих пор решение это не воплощено в жизнь, хотя и представляет собой насущную потребность.

Еще когда вопрос только обсуждался на Соборе, выявилось немало его противников. Затем последующие события церковной и государственной жизни оказались крайне неблагоприятными для его реализации. Но, несмотря ни на что, задуманная и провозглашенная в 1922 г. автономная Белорусская Церковь нашла свое историческое продолжение – в форме Белорусского Экзархата. Выбранный тогда вектор оказался верным, хотя и не был поддержан церковной властью.

Вступительная статья, публикация и примечания Г. Э. Щеглова

№ 1

Доклад митрополита Белорусского и Минского Мелхиседека (Паевского) Патриарху Тихону о провозглашении Белорусской митрополии

15 декабря 1923 г.

*Доклад
МИТРОПОЛИТА Белорусского и Минского
Его Святейшеству*

*Святейшему Тихону³⁷,
Патриарху Московскому и всея России*

**Мелхиседека, Митрополита
Белорусского и Минского**

Доклад.

Летом текущего года мною был представлен Вашему Святейшеству подробный доклад по делу о провозглашении 10/23 июля 1922 г. в г. Минске, в Кафедральном соборе Белорусской Митрополии. Доклад этот, по независящим обстоятельствам, не мог быть рассмотрен в Патриаршем Управлении, и судьба самого доклада в точности мне не известна. В настоящее время, по возвращении моем на свою кафедру, в связи с переживаемыми церковными событиями и особенными условиями местной и церковной и гражданской жизни, вопрос о Белорусской Митрополии не может оставаться и на дальнейшее время в столь неопределенном и нерешенном положении. Он должен быть подвергнут скорейшему внимательному рассмотрению, дабы дальнейшее игнорирование его

³⁷ Все выделения даны в соответствии с источником.

не принесло бы делу Церкви в нашем крае таких последствий и результатов, которые могли бы сказаться вообще на дальнейшей судьбе Православной Церкви в Белоруссии. Конечно, представляя настоящий доклад Вашему СВЯТЕЙШЕСТВУ, я нисколько не закрываю глаз на некоторое неприятное положение лично свое в этом деле, но близорукие люди, не желающие вникнуть в суть дела и более склонные предположить присутствие в данном деле моей личной заинтересованности, честолюбия или даже некоторого авантюризма, склонны оценивать вопрос о Белорусской Митрополии, как такой, в котором собственно церковного почти ничего нет. Не закрываю глаз на это, но уповаю, что при тщательном и чуждом предубеждения рассмотрении этого дела, вопрос о каких-либо личных тенденциях моих совершенно отпадет, и дело будет решаться исключительно с точки зрения пользы и нужд западно-русской церкви. Такая уверенность дает мне основания говорить о деле совершенно беспристрастно и объективно. Как писал я и в прошлом своем докладе, все подлинные документы по сему делу представлены быть не могут, так как накануне провозглашения Белорусской Митрополии все они были изъяты из моей канцелярии и не возвращены, но фактические данные как первого, так и настоящего моего доклада сомнению не подлежат и вполне соответствуют действительности. Посему при обсуждении доклада вопрос о документальной необоснованности его должен отпасть и препятствием к решению дела являться не должен. Перехожу к делу. Вопрос об автономии Белорусской церкви, вопрос не новый. Он не раз поднимался в западно-русских церковных и общественных кругах. Можно сказать, что он давно уже назрел и если не поднимался официально в полной мере, то лишь потому, что условия жизни Белоруссии в последние годы, часто менявшиеся и затруднявшие сношения с Высшею Церковною Властью, не дали возможности провести разрешение его в должной последовательности и порядке. Не для кого не новость, что особенные условия местной церковной жизни, культуры, быта, языка, в связи с постоянной опасностью католической и униатской пропаганды, требуют особой сплоченности и объединения всех церковных сил для планомерного и целесообразного направления православной церковной жизни в нашем крае. В кратком докладе невозможно представить всю картину обстоятельств и условий, вызвавших к жизни мысль о необходимости церковного объединения Белоруссии. Следует отметить лишь, что собственно церковные круги Белоруссии, во главе с Епископами местными, соблюдали в отношении своих к этому делу должную осторожность и твердо стояли при обсуждении его, исключительно на почве церковной. Вот почему и я не решился давать движение этому делу до тех пор, пока сама жизнь не поставила его на очередь и дала возможность обсуждения его исключительно в церковной плоскости, хотя не раз такое осторожное и вдумчивое отношение руководителей церковной жизни вызывало раздражение и осуждение со стороны местных деятелей и носителей этой идеи. Наступил 1922 г., когда Православная Церковь Российская попушением Божиим, вступила в полосу тяжкой смуты и разделения. Лишенная своего главы, раздираемая отсутствием внутреннего мира и единения, она переживала усиленный кризис на всем пространстве своем. Здесь уже в Белоруссии этот кризис ощущался острее и болезненнее, чем где бы то ни было. Причиной тому осо-

бые условия местной жизни, мало знакомые и, м[ожет] б[ыть], мало понятные людям не местным, но такие, с которыми весьма приходится считаться руководителям дела церковного, ответственным пред Богом и историей за судьбы Западно-Русской Церкви. Характерной чертой отношений римско-католицизма к православию на Западной окраине России на протяжении всей истории является факт умелого использования обстоятельств жизни Прав[ославной] ц[еркви]. Так было и на сей раз. Можно сказать, что за последний период ни одно явление в Православной церковной жизни не вызывало столько надежд у римских пропагандистов, как события последнего времени. Пропаганда унии и прямо католицизма была поведена с особой энергией. Всюду распространялись воззвания о том, что Православная церковь погибла, Бог отступился от нее, история произнесла свой приговор над нею и явно для всех подтвердила всегдашние суждения Рима о русском православии Католической Церкви, причем обещаны были самые широкие льготы и сохранение всех особенностей церковной жизни и т. д. Пропаганда эта приняла самые широкие размеры, простой народ заколебался. Опасность положения стала очевидна. Медлить дальше было нельзя, надо было подорвать враждебную агитацию в самом корне, ясно и осязательно для всех. Дела Православной Церкви за рубежом тоже давали не малый материал для усиления пропаганды.

На различных собраниях местных церковных деятелей обсуждались всякие способы противодействия и общецерковной смуты и, в частности, местной противоправославной пропаганды. После неоднократного и тщательного обсуждения положения был твердо поставлен на первую очередь старый местный вопрос об автономии Белорусской церкви, как наиболее могущий послужить условиям и потребностям данного момента церковно-исторической жизни.

Должно сразу же отметить, во избежание всяких неправильных толкований и подозрений, что вопрос об автономии Белорусской церкви никогда не представлял собою какой-либо маскированной попытки церковного сепаратизма, стремления к разделению, «самостийности» или т. п. Вопрос этот ставился на почву чисто церковной целесообразности и никаких стремлений к разрыву с Церковью вообще или к попранию грубому канонических правил не было ни в какой степени.

Особенное гражданское положение Белоруссии, как независимой Республики, входящей в состав федерации (здесь имеется свой ЦИК, свой Совнарком и т. п., в Москве имеется особое представительство при Р.С.Ф.С.Р. и т. д.), давало возможность осуществления этого проекта, не противоречащего и церковным канонам. В основу его легли два положения: 1) стремление сохранить, путем автономии, законную иерархию и 2) оказать противодействие пропаганде, принявшей угрожающие размеры. После неоднократного и длительного обсуждения дела во всех подробностях, признано было во имя блага церковного решиться на провозглашение автономии Белорусской церкви, находящейся на территории Белорусской Республики. При обсуждении способа ее осуществления всеми было признано, что точное определение объема такой автономии, ее условий и порядка закрепления — вопрос будущего и зависит от Церковной Власти. Для данного же момента имеет громадное значение не подробность ее,

а самый факт ее объявления, причем это объявление по сознанию всех не должно было иметь чисто бумажный, декларативный, так сказать, характер, но получить вид конкретного действия, видимого и, так сказать, осязательного среди народа. Вот почему, несмотря на предварительное сопротивление мое, вопрос об автономии разрешился в форме объявления Епископа Минского — Митрополитом Белорусским. Я нисколько не закрывал своих глаз на то, что акт этот впоследствии может получить «обывательское», так сказать, освещение, вызвать различные обвинения меня и, тем не менее, я, после длительного обсуждения и многого размышления, решил согласиться с постановлением особой Комиссии по сему делу.

Самый факт объявления Белорусской Митрополии совершился 10/23 июля 1922 г. в Минском Кафедральном Соборе пред Божественной Литургией, при огромном стечении молящихся, заполнивших до тесноты не только обширный собор, но и всю прилегающую площадь, при участии всего городского и представителей епархиального духовенства (до 60 человек). Совершилось все это таким порядком. После обычной архиерейской встречи Архиерей остановился на амвоне среди церкви. Кафедральный протоиерей³⁸, приняв благословение, с солеи прочел во всеуслышание акт следующего содержания: «Во имя Отца, и Сына и Святого Духа. Православные клир и миряне б[ывшей] Минской епархии, свято храня догмат о единстве Церкви и прочие догматы нашей святой веры, сохраняя каноническую связь с законным священноначалием Православной Церкви Российской, и руководствуясь не лицемерным и горячим стремлением к благу Православной Церкви и укреплению праотеческой православной веры, постановили объявить Правосл[авной] Церкви, находящейся в пределах независимой Советской Республики Белоруссии, самоуправляющейся в делах местного значения (автономной). На настоящее постановление испросить в свое время благословение Высшей Законной Церковной Власти, от коей будет зависеть также и точное указание пределов и условий такого самоуправления на будущее время.

Единодушно и единогласно просить Архипастыря нашего Преосвященнейшего Мелхиседека, Епископа Минского и Туровского, принять отныне именованное «Митрополита Белорусского и Минского», как видимое выражение возмещаемого ныне самоуправления Белорусской Церкви в делах внутреннего характера, а также просить его озаботиться скорейшим восстановлением епископских кафедр в Белоруссии в г. Слуцке, древнем Турове, Бобруйске и Борисове».

По прочтении сего, депутацией от духовенства и мирян был поднесен Епископу белый клобук, после чего провозглашены многолетия и воспето всеми присутствовавшими «Тебе Бога хвалим», затем совершена была торжественная Литургия при небывалом количестве священнослужителей и молящихся. Акт о совершившемся за общим подписанием решено было хранить в Кафедральном Соборе. Вот в самых общих чертах точная картина всего происшедшего, совершенного не ради каких-либо посторонних стремлений, а единственно по глубокому убеждению всех в необходимости этого акта в тот момент для блага церкви. Необычайность же его и некоторая неполнота канонической обстановки вполне объяснима условиями времени, при которых все это происходило. У всех нас

³⁸ Протоиерей Алексей Костюченко.

было глубокое убеждение в том, что законная церковная власть, при обсуждении и закреплении совершенного, своим благословением, отнесется к нашей скудости с от[е]ческим снисхождением и пониманием и внесет в это дело те возможные исправления, улучшения и поправки, которые требуются полнотой дела, не осуждая и не разрушая того, что уже прочно вошло в сознание верующей массы. В настоящее время, как несомненный факт в нашей церковной жизни, вопрос о Белорусской церкви получает особую важность в связи с объявленным расширением и новым определением границ Белорусской Республики, к которой, как здесь официально сообщается, присоединяется часть Гомельской, бывшие Могилевская губ[ерния], Витебская губ[ерния] и уезд Смоленской губ[ернии].

Не предпрещая сейчас, по недостатку времени, точных деталей всей структуры будущей церковной жизни Белоруссии, следует, по моему мнению, точно определить центр ее в г. Минске как столице Белорусской Советской Республики и признать необходимость построения проекта церковных взаимоотношений Белоруссии на основе Митрополичьего Округа, благословив из совершенного то, что во имя церковного блага и мира без возникновения серьезных осложнений в местной церковной жизни не может быть уничтожено. По соображении всех местных условий и по сношении с ново присоединенными к Белоруссии частями, будет мною представлен Вашему Святейшеству подробный проект устройства церковных дел Белоруссии. В заключение сего краткого доклада, спешность коего вызвана серьезными причинами, не позволившими мне осветить все дело с желательной подробностью и исчерпывающей обстоятельностью, считаю своим долгом просить за эту невольную вину снисхождения Вашего Святейшества, а вместе и особо подчеркнуть крайнюю необходимость скорейшего [рас]смотрения сего дела по целому ряду соображений исключительной важности.

Вашего Святейшества нижайший послушник Мелхиседек Митрополит Белорусский.

Минск. 15/XII 23 г.

РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 22–26. Подлинник. Машинопись.

№ 2

Записка уполномоченного от духовенства Минской епархии Патриарху Тихону

22 декабря 1923 г.

Его Святейшеству Патриарху Московскому и Всея Руси
уполномоченного от Белорусских церквей
прошение.

В дополнение по докладу Высокопреосвященного Митрополита Минского и Белорусского о положении Церкви Белорусской, представленного мною Вашему Святейшеству, по Вашей просьбе, Ваше Святейшество, я кратко сформулирую здесь вопросы, за неотложным разрешением которых я прибыл в Москву. Первый из этих вопросов — окончательное признание Белорусской Церкви за автономную область церковную во главе с Митрополитом Мелхиседеком; вто-

рой — определить границы этой области в пределах Белорусской Республики. Ясность и <слово неразборчиво> решения этих вопросов диктуется всем положением нашей церковной жизни и ее существованием в особенных условиях.

Вашего Святейшества
нижайший раб <подпись неразборчива>.
22/ХІІ

РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 23. Подлинник. Рукопись.

№ 3

Постановление Святейшего Патриарха и Священного при нем Синода по вопросу об утверждении Белорусского митрополичьего округа

24 декабря 1923 г.

Святейший Патриарх и Священный при нем Синод, заслушав доклад Преосвященного Минского Мелхиседека, от 15 Декабря с. г., по вопросу об утверждении Белорусского митрополичьего округа — постановили: вопрос об организации Белорусского митрополичьего округа с правами автономного, со включением в оный части Гомельской, Витебской и уезда Смоленской епархий, суждением и решением отложить до получения отзывов по сему вопросу от Преосвященных Могилевского, Полоцкого и Смоленского, коим в копии и препроводить доклад Преосвященного Мелхиседека, с просьбой ускорить ответом.

Патриарх Тихон
Архиепископ Тихон³⁹
Архиепископ Серафим⁴⁰
Архиепископ Петр⁴¹
Архиепископ Никодим⁴².

Резолюция: № 196 24/ХІІ 1923 г. Пр[еосвященному Архиепископу] Константину Могилевскому № 78. Исполнено Еп[ископу] Мелхиседеку № 173. Доклад читал Еп[ископ] подпись неразборчива

РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 211. Л. 21. Подлинник. Машинопись.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, автономная Белорусская митрополия, Патриарх, митрополит, Поместный Собор, Священный Синод, Высшее церковное управление (ВЦУ), Москва, Минская епархия, обновленчество, ОГПУ.

³⁹ Архиепископ Тихон (Оболенский).

⁴⁰ Архиепископ Серафим (Александров).

⁴¹ Архиепископ Петр (Полянский).

⁴² Архиепископ Никодим (Кротков).

THE AUTONOMY OF THE BYELORUSSIAN ORTHODOX CHURCH OF THE 1922-TH YEAR

The publication covers the story of the establishment of the autonomous Byelorussian metropolitanate in 1922. The management of the Russian Orthodox Church perceived this event in different ways. In the church-historical literature the fact had various interpretations. The author investigates the reasons of the declaration of autonomy and reconstructs some establishment events on the base of available researches and new archival materials. The publication by G. E. Scheglov.

Keywords: Russian Orthodox Church, autonomous Belorussian metropolitanat, Patriarch, metropolitan, Local Council, the Holy Synod, Superior Church Committee (VCU), Moscow, Minsk diocese, renovationism, OGPU.